

Данные мероприятия позволят придать больший динамизм развитию трансграничного взаимодействия Витебской, Смоленской и Псковской областей, способствуя устойчивому развитию данных приграничных регионов и их конкурентоспособности, формируя позитивный имидж макроэкономического партнерства между Беларусью и Россией и выступая весомым фактором становления Союзного государства.

Список использованной литературы

1. Социально-экономическое положение Витебской области в январе-декабре 2016 г. / Доклад Главного стат. управления Витебской области. – Витебск, 2017. – 270 с.
2. Трацевская, Л.Ф. Экономическая оценка современного состояния приграничного сотрудничества Витебской области с регионами Российской Федерации / Л.Ф. Трацевская // Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26-27 нояб. 2013 г. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 115-117.

НАЧАЛО АВТОБИОГРАФИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА М.М. БАХТИНА

А.Г. Лисов, Е.Г. Трусова
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, alisov@tut.by, egtrusova@mail.com

Цель статьи – интерпретация ранней витебской автобиографии философа и филолога М.М. Бахтина в свете фактов его подлинной биографии. Документ из фондов Государственного архива Витебской области является ранним образцом автобиографического мифотворчества ученого.

Ключевые слова: Бахтин М.М., автобиография, Витебский институт народного образования, Государственный архив Витебской области

К проблемам освещения ранней биографии философа и филолога М.М. Бахтина обращались многие исследователи [1, 2]. Некоторые из важных моментов интерпретации документов, их оценки в свете сказанного самим Бахтиным точно отмечены Н.А. Паньковым, автором одной из статей на эту тему. Он указывает на то, что Михаил Михайлович «сам "подбрасывал" будущим биографам "следы", которые при ближайшем рассмотрении оказываются ложными» [2]. Рассуждая об этом, Н.А. Паньков говорит, что для подобных мистификаций брались подлинные факты из биографии старшего брата, Николая Михайловича. Убедительность рассказам Бахтина придают те самые мелочи, которые делают каждую версию, казалось бы, неоспоримой. Однако при последующей ее проверке через документальные свидетельства, архивные документы подтверждения не находят.

Одна из таких автобиографических версий появилась в связи с переездом философа из Неволя в Витебск осенью 1920 г. Документ, который говорит о том, что начало пребывания Бахтина в Витебске, как и вообще его витебский период (1920—23 гг.), связаны с такой мистификацией, находится в фондах Государственного архива Витебской области.

В переписке 1921 г. М.М. Бахтина с его невельским приятелем М.И. Каганом мы находим рассуждения о том, что любой провинциальный университет является авантюрой [3]. И во многом такая оценка может быть дана именно из-за недостатка в провинции профессиональных педагогов. Послереволюционные годы, когда перестраивалось образование всех уровней, когда часть интеллигенции, в т.ч. педагогов высшей школы, отказалась от сотрудничества с новой властью, эмигрировала за границу или

была выслана, когда новых кадров еще не было, требования государства к профессиональным качествам педагогов были достаточно низкими и особенно в провинциальных учебных заведениях. Собственно, само представление о высших учебных заведениях, самом смысле понятия «вуз» в новых общественных условиях только формировалось. Государство формально упразднило дореволюционные степени и звания. И все же приход, хотя и нечастый, новых педагогов требовал определенных критериев, мотивации, пусть и формальной, нередко даже не для руководства вуза, ее администрации, но скорее для опытных коллег.

Видимо, поступление на службу в высшие учебные заведения Витебска (сначала в институт народного образования, позднее в консерваторию) побуждает М.М. Бахтина к мифотворчеству, созданию официальной версии автобиографии. Предлагаемый документ — небольшая автобиографическая записка, относящаяся к первым дням работы Бахтина в Витебском институте народного образования [4]. Это один из наиболее ранних документов его пребывания в Витебске в ряду выявленных на сегодня. Он во многих отношениях интересен. Во-первых, это автограф, во-вторых, — произвольное, пусть и очень краткое, изложение основных вех собственной биографии, где Михаил Михайлович сам отбирает то важное, на чем следует, по его мнению, остановиться. В отличие от заполненных им анкет, где даются ответы на стандартные вопросы [5, 6], произвольная форма изложения предполагает некоторую свободу. Но особенно интересно содержание записки.

Как известно, Бахтин приехал в Витебск из Невеля в начале осени 1920 г. Невельский период — знаменательная страница его биографии. Здесь сложился круг общения ученого, достаточно хорошо сегодня очерченный. В нем имена М.И. Кагана, М.В. Юдиной, В.Н. Волошинова, Б.М. Зубакина, Л.В. Пумпянского. Для одних Невель был родным городом, другие приехали из Петрограда, спасаясь от голода. «Невельский кружок» просуществовал недолго, но, несомненно, сильно повлиял на Бахтина, способствовал его становлению как мыслителя, укрепил в нем уверенность в способности к научному творчеству. Уже в 1918 г. в Петроград уехала М.В. Юдина, в августе 1919 г. в Витебск перебрался Л.В. Пумпянский, а вслед за ним — В.Н. Волошинов. Кружок распался, хотя связи его члены пытались между собой поддерживать [3]. К осени 1920 г. желание перебраться из Невеля возникает одновременно у М.И. Кагана и М.М. Бахтина. Каган едет в Петроград.

Очевидно, предложение приехать в Витебск сделал Бахтину Л.В. Пумпянский. Он жил в Витебске, трудился в созданной в 1918 г. народной консерватории. Его занимала работа над лекционным курсом философии музыки для этого учебного заведения. В Витебске жило немало давних знакомых Льва Васильевича. В это же время он сблизился с группой местной интеллигенции, среди которой были П.Н. Медведев, Н.А. Малько, М.З. Шагал, В.А. Вейгер-Рейдемейстер, многие известные столичные музыканты, актеры, художники, литераторы. Надо полагать, что старые связи и новые знакомства дали ему возможность посодействовать М.М. Бахтину с переездом в Витебск.

В публикуемом документе Бахтин указывает свой первый витебский адрес — улица Суворовская, 63, квартира Бескина. Именно по этому адресу проживал в Витебске Пумпянский, что подтверждают его консерваторские документы [7]. В связи с этим можно говорить, что по приезду Бахтин первоначально просто поселился на квартире Льва Васильевича. Лишь позднее появляется новый адрес Михаила Михайловича, ставший основным на все оставшееся время проживания в Витебске, — улица Смоленская, 61, квартира доктора Алексеевской. Алексеевские, как известно, родственники жены другого невельского приятеля Бахтина — В.Н. Волошинова. В этой квартире Бахтин прожил 3 года.

На заседании Совета Витебского института народного образования от 23 сентября 1920 г. слушался вопрос об избрании М.М. Бахтина преподавателем по кафедре истории

западноевропейской литературы [8]. В связи с избранием и появляется публикуемый документ, на котором нет авторской датировки, но имеется штамп входящей корреспонденции института народного образования с датой — 6 октября 1920 года.

В ноябре 1920 г. Л.В. Пумпянский решил окончательно покинуть Витебск и с 15 ноября оставил должность преподавателя консерватории [7]. Вероятнее всего, по его рекомендации чтение лекционного курса философии музыки предложили Бахтину.

В автобиографической заметке приведена наиболее ранняя из числа известных по витебским документам дата рождения ученого — 1891 год. В то же время в многочисленных анкетах, именных списках преподавателей института и консерватории встречаются даты — 1892-й, 1893-й годы. Ни одна из указанных дат не соответствует подлинной — 1895 г. Для чего Бахтину это понадобилось? В нашем случае, как и в ряде других, объяснение этому видится в одном — желании уложить все свое «университетское образование» в период, предшествовавший первой мировой войне. Требовалось показать несуществующую учебу в университете и даже не диплом, который не предъявлялся и не стал вовсе камнем преткновения при поступлении на работу. Речь идет о дипломе Петроградского университета, которого у Михаила Михайловича попросту не было. При этом все даты данной автобиографической версии сильно сдвинуты в более раннюю сторону. Для сравнения можно рекомендовать обратиться к документам, которые приводят в своих публикациях В.И. Лаптун и Н.А. Паньков [1, 2].

Автобиография Бахтина рождается из основных жизненных вех его брата, трансформируясь во времени. К этому приему Бахтин впоследствии прибегал постоянно, но вот приведенный вариант явно отличается от всех последующих, обнаруживая на себе влияние еще одной замечательной биографии — М.И. Кагана.

М.И. Каган был несколько старше других членов «невельского кружка». Ко времени возвращения в родной для него Невель он был уже сложившимся ученым, за плечами которого оказалась выполненная в университетах Германии диссертация. Рассказы Матвея Исаевича, превратности его научной карьеры, профессиональные контакты увлекли Бахтина. Убеждает в этом многое, сказанное самим Михаилом Михайловичем многие годы спустя [9]. Заимствования также могут быть свидетельством произведенного впечатления. Они становятся для Бахтина своеобразной игрой, граничащей с авантюрой.

В более поздних автобиографических текстах Бахтина отсутствует это извлечение из биографии Кагана и, разумеется, в тех, которые относились к 1930-м — 40-м гг. С определенного момента сведения об учебе за границей могли стать основанием к обвинениям в шпионаже.

Очень типично для авторских вариантов биографии Бахтина витебского периода сообщение об оставлении его после окончания Петроградского университета для подготовки к профессорскому званию по кафедре классической филологии. Об этом он пишет и в публикуемом документе.

Документ Витебского архива является одним из первых, а, возможно, и первым, в ряду образчиков автобиографического мифотворчества М.М.Бахтина, обнаруживающих в себе явные и весьма смелые заимствования из биографий близких ему людей. Традиционно этот документ находит современную интерпретацию в связи с научными идеями ученого, выразившимися в более поздних трудах, посвященных разработке понятия смеховой культуры, карнавальным формам народной культуры средневековья. Если принять эту позицию, то задолго до написания своей великой книги о Франсуа Рабле, в конкретном случае, на поворотном этапе жизни М.М. Бахтина, когда он пришел к преподавательской работе в вузе, к систематической деятельности ученого, смеховое поведение, антиповедение позволило ему легитимизировать положение педагога. И в дальнейшей его судьбе антиповедение становится причиной, порождающей проблемы, которые хорошо известны специалистам и которые провоцируют горя-

чие споры. Одна из этих проблем – «Бахтин под маской» -- опубликование собственных трудов под именами ближайших коллег в 1920-е гг. Примечательна и история его первой книги «Проблемы творчества Достоевского» (1929), которая открыла неизвестное имя своим выходом из печати. По выражению самого Бахтина, книга о Достоевском должна была стать его исследовательским началом, а стала концом, т.к. в момент публикации он был под арестом, ожидал решения суда и ссылки в сталинские лагеря. Но спустя десятилетия эта же книга стала началом нового рождения ученого Бахтина, оценки его подлинного величия мыслителя, более философа, нежели филолога.

Витебская авантюра стала мифом на всю жизнь. Напомним, что Бахтину удалось без представления диплома о высшем образовании защитить в 1946 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук [10, с.38], работать и затем руководить кафедрой литературы Мордовского государственного университета в г. Саранске, осуществлять подготовку аспирантов, а в начале 1970-х гг. поведать В.Д. Дувакину о «своей учебе» в Петроградском университете в 1915-17 гг. [9, с.56], но главное, написать великие книги.

Автобиография М.М. Бахтина. 6 октября 1920 года

(Государственный архив Витебской области, ф.204, оп.13, д.8, л.44)

Михаил Михайлович Бахтин.

Суворовская ул[ица] д[ом] 63 кв[ртира] Бескина.

Родился [в] 1891 г[оду] в городе Орле. В 1908 году окончил Одесскую 4-ю гимназию. [С] 1908 по 1910 год состоял студентом филологическо[го] факультета Новороссийско[го] университет[ета]. С 1910 по 1912 год находился в Германии, где прослушал 4 семестра Марбургско[го] университет[ета] и один семестр в Берлине. С 1912 года по 1914 год состоял студентом Петроградского университета. [В] 1914 году закончил Петроградский универс[итет] с оставлением по кафедре классической филологии Ф.Ф. Зелинским. С 1914 по 1917 год работал при университете, в филологическом обществе и обществе классическ[ой] филологии. С 1917 по 1918 год состоял преподавателем Свенцянской мужской гимназии. [С] 1918 по 1920 [год] состоял преподавателем Ед[иной] тр[удовой] шк[олы] 2-й ст[упени] и Педагогическ[их] курсов г[орода] Невеля.

М. Бахтин

Список использованной литературы

1. Лаптун В.И. К «Биографии М.М.Бахтина» // «Диалог. Карнавал. Хронотоп» . 1993, №1, с.67—73.
2. Паньков Н.А. Загадки раннего периода (Еще несколько штрихов к «Биографии М.М.Бахтина») // Там же, с.74—89.
3. Каган Ю.М. О старых бумагах из семейного архива (М.М.Бахтин и М.И.Каган) // «Диалог. Карнавал. Хронотоп» . 1992, №1, с.60—72.
4. Государственный архив Витебской области (Далее — ГАВО), ф.204, оп.13, д.8, л.44.
5. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.175, л.26, 26об. (датирована маем 1921 г.).
6. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.64, л.11, 11об/ (датирована январем 1923 г.)
7. ГАВО, ф.1050, оп.1, д.74, л.57.
8. ГАВО, ф.204, оп.1, д.72, л.63, 63об.
9. Беседы В.Д.Дувакина с М.М.Бахтиным. Вступ. ст. С.Г.Бочарова и В.В.Радзишевского; закл. ст. В.В.Кожина. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996.
10. Паньков Н. А. «От хода этого дела зависит все дальнейшее. .» (Защита диссертации М. М. Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия) // «Диалог. Карнавал. Хронотоп». 1993. № 2/3.